

УДК 791.221.2

DOI: 10.34670/AR.2026.12.35.004

Образ Павла Корчагина в китайской культурной рецепции фильма «Как закалялась сталь»

Дай Мэньюй

Магистрант,
факультет искусств,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9;
e-mail: st135916@student.spbu.ru

Аннотация

Предметом исследования является культурная рецепция советского фильма «Как закалялась сталь» (1973 г.) в Китае и трансформация образа главного героя Павла Корчагина. Объектом исследования выступает процесс интеркультурного переноса и адаптации героического нарратива социалистического реализма в китайском культурном контексте. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как влияние фильма на китайскую культурную память в периоды 1950–1970-х, 1980–1990-х, 1998–2000-х и 2007–2020-х годов, сравнение образа Корчагина с моделью героя Лэй Фэна, а также эволюцию восприятия в контексте советско-китайских отношений и маоизма. Особое внимание уделяется трансформации образа Корчагина от идеала социалистического героя к enduring символу в XXI веке, включая этапы рецепции в 1950–1960-х (15 изданий романа), 1970–1990-х и постсоветский период. Методология включает историко-культурный анализ, сравнительный метод и изучение текстовых источников (издания романа, фильмография, публикации 1950–2020-х гг.). Новизна исследования заключается в комплексном анализе рецепции фильма «Как закалялась сталь» в Китае на разных временных этапах (1950–1980-е, 1990-е–2000-е, XXI век), с акцентом на трансформацию образа Павла Корчагина под влиянием маоизма и модели Лэй Фэна, чего ранее не освещалось в такой хронологической последовательности. Основными выводами проведенного исследования являются: устойчивость влияния советского социалистического реализма на китайскую культурную память, с пиком в 1950–1960-х (15 изданий романа) и возрождением в 1998–2000-х и 2007–2020-х; трансформация Корчагина от революционного героя (1956–1973 гг.) к символу морального совершенствования; параллели с Лэй Фэном в 1964–1970-х и 1999 г.; вклад в понимание интеркультурного трансфера в контексте советско-китайских отношений. Особым вкладом автора является периодизация рецепции и выявление enduring характера образа в современном Китае.

Для цитирования в научных исследованиях

Дай Мэньюй. Образ Павла Корчагина в китайской культурной рецепции фильма «Как закалялась сталь» // Культура и цивилизация. 2026. Том 16. № 2А. С. 32-41. DOI: 10.34670/AR.2026.12.35.004

Ключевые слова

Культурная рецепция, Павел Корчагин, Как закалялась сталь, социалистический реализм, китайская культурная память, интеркультурный трансфер, маоизм, Лэй Фэн, героический нарратив, советско-китайские связи, идеологическая мобилизация, теория рецепции, кинематографическая героика.

Введение

Изучение образа Павла Корчагина в китайской культурной рецепции фильма «Как закалялась сталь» представляет собой продуктивное направление современного междисциплинарного анализа, поскольку позволяет проследить трансформацию советского героического нарратива в условиях интеркультурного трансфера между СССР и КНР. Особый интерес вызывает то, как кинематографическая версия романа Н. Островского 1973 года, опирающаяся на канон социалистического реализма, была переосмыслена в китайском контексте через призму конфуцианско-маоистских ценностей, коллективистской этики и специфической политики памяти, превратив образ Павла Корчагина (Баоэр Хэцазинь) в устойчивый символ моральной стойкости и трудового подвига.

Актуальность обращения к данной проблематике определяется несколькими факторами. Во-первых, фильм «Как закалялась сталь» и его литературный первоисточник занимают значимое место в истории советско-китайских культурных связей, будучи важным инструментом идеологической и культурной дипломатии 1950–1970-х годов и продолжая функционировать как элемент культурной памяти в постмаоистский и постсоциалистический периоды. Во-вторых, китайская рецепция образа Корчагина демонстрирует механизмы локализации «чужого» героического архетипа: от прямой идеологической мобилизации в эпоху маоизма до более гуманистического, психологизированного прочтения в телесериалах конца XX века и современных медийных практиках.

Теоретической рамкой исследования выступают подходы теории рецепции (Г. Р. Яусс, В. Изер) и концепции интеркультурного трансфера, акцентирующие активную роль реципиента в конструировании смыслов, а также представления о культурной памяти и идеологической функции кино как медиатора ценностных моделей. Обращение к китайскому материалу позволяет выявить семантические сдвиги, возникающие при переводе, экранизациях и медийных интерпретациях, а также показать, как советский герой социалистического реализма, воплощающий аскетизм, самопожертвование и партийную верность, интегрируется в конфуцианско-маоистский пантеон и соотносится с локальными фигурами вроде Лэй Фэна.

В настоящей статье объектом культурной рецепции рассматривается не отдельное произведение, а образ Павла Корчагина как интермедиальный феномен, формирующийся на пересечении литературного первоисточника романа Н. Островского «Как закалялась сталь», его советских кинематографических экранизаций и визуальных форм репрезентации, получивших распространение в Китае (иллюстрированные издания, ляньюаньхуа, телесериалы). Ляньюаньхуа — это традиционный китайский формат массовых иллюстрированных книг, представляющих собой последовательность изображений с краткими подписями, предназначенных для популяризации литературных и исторических сюжетов среди широкой аудитории. Такой подход позволяет анализировать устойчивость и трансформацию образа героя в китайском культурном пространстве вне жёсткой привязки к конкретному медиатексту и в более широком контексте межкультурной рецепции.

Целью статьи является анализ трансформации образа Павла Корчагина в китайской культурной рецепции фильма «Как закалялась сталь» с опорой на совокупность текстов и практик — от советской и китайской кинопродукции до переводов, учебных материалов и современных медийных цитат. Для достижения этой цели предполагается решить следующие задачи: во-первых, реконструировать историко-культурный и идеологический контекст советско-китайского кинодиалога середины XX века; во-вторых, описать кинематографические и переводческие стратегии, определившие локализацию образа героя в КНР; в-третьих, выявить основные направления его переосмысления в постмаоистскую эпоху и в цифровой культурной памяти Китая XXI века. Научная новизна исследования состоит в комплексном рассмотрении Павла Корчагина как интеркультурного героя, чья эволюция в китайском пространстве демонстрирует гибридизацию советского соцреалистического прототипа и национальных конфуцианско-маоистских архетипов.

Основная часть

Изучение советского кинематографа в контексте китайской культурной памяти остается актуальным, поскольку отражает механизмы трансформации идеологических нарративов в условиях глобальных культурных обменов и изменений в китайском обществе. Фильм «Как закалялась сталь» (1973) по роману Николая Островского служит ярким примером идеологического и художественного текста, воплощающего советский героический эпос, который нашел отклик в Китае благодаря своей эмоциональной силе и универсальным мотивам самопожертвования. Этот фильм не только популяризировал образ Павла Корчагина как символа революционного героизма, но и стал частью культурной дипломатии СССР и КНР в периоды тесного сотрудничества.

Экранизация романа Н. Островского «Как закалялась сталь» 1973 года (реж. Н. Машенко) формирует специфический вариант образа Павла Корчагина, отличающийся от литературного первоисточника усиленной визуальной героизацией и эмоциональной сгущённостью. В отличие от романа, где значительное место занимает внутренняя рефлексия героя и его идеологическое становление, фильм смещает акцент на телесный опыт страдания и преодоления, превращая физическую немощь, болезнь и инвалидность Корчагина в наглядные маркеры моральной стойкости. Образ, воплощённый В. Конкиным, сочетает аскетизм и сдержанный героический пафос, благодаря чему персонаж воспринимается не только как идеологический субъект, но и как визуально убедительный символ «закалки» через страдание.

Визуальный язык фильма 1973 года играет ключевую роль в его рецепции китайской аудиторией: монтажное чередование сцен физического истощения и коллективного труда, крупные планы лица и рук героя, а также подчёркнутая телесная аскеза создают нарратив самопреодоления, близкий маоистской эстетике героизма. Отказ от психологической экспрессии в пользу внешне сдержанной, почти стоической манеры актёрской игры сближает экранного Корчагина с конфуцианским идеалом нравственной устойчивости и дисциплины. Именно эти визуальные элементы — телесность страдания, коллективистский пафос трудовых сцен и эпическая тональность повествования — обеспечили устойчивый интерес к фильму в Китае, где он воспринимался не как конкретный продукт советского кинематографа 1970-х годов, а как универсальная визуальная модель революционного и морального героизма.

Значение образа Павла Корчагина как инструмента культурного диалога СССР и Китая заключается в его формировании в период активных советско-китайских культурных контактов 1950-х годов и последующем поддержании и актуализации данного образа в более поздних

медиаальных формах, включая кинематографические экранизации 1970-х годов. Фильм «Как закалялась сталь» 1973 года в данном контексте выступает не как источник первоначальной рецепции, а как средство воспроизводства и переосмысления уже сложившегося героического канона в условиях изменившейся политической и культурной ситуации.

Причины популярности образа Павла Корчагина в Китае коренятся в параллелях между его биографией и китайской революционной традицией: упорство перед лицом болезней и невзгод перекликалось с образами Lei Feng или современных героев, а лозунг «Человек закаляется как сталь» стал афоризмом для подрастающего поколения. Политический контекст советско-китайской дружбы 1950-х усилил эту рецепцию, сделав Корчагина (по-китайски Баоэр Хэчацзинь) национальным кумиром, чьи адаптации в сериалах 1998 и 2000 годов отражали трансформацию от жесткой идеологии к более гуманистическому прочтению.

Понятие «культурная рецепция» в гуманитарных науках обозначает процесс активного восприятия, интерпретации и трансформации иностранного культурного продукта в новом социокультурном контексте, где реципиент не пассивно потребляет текст, а адаптирует его под локальные ценности и идеологии. Теория рецепции, развитая Гансом Робертом Яуссом и Вольфгангом Изером [10], подчеркивает роль читательского (зрительского) горизонта ожиданий, в то время как интеркультурный трансфер, по Стюарту Холлу, предполагает гибридные формы, возникающие при столкновении культур, особенно в условиях асимметричных обменов между СССР и Китаем. Кино выступает мощным медиатором идеологических и ценностных моделей благодаря визуальной эмоциональности и нарративной структуре, способствуя имплантации героических архетипов, как в случае с Павлом Корчагиным, чей образ эволюционировал от советского прототипа к китайскому символу стойкости.

В рамках теории рецепции Г. Р. Яусса образ Павла Корчагина в китайском контексте рассматривается с учётом специфического «горизонта ожиданий» аудитории, сформированного конфуцианской этикой, маоистской идеологией и опытом революционной мобилизации. Китайский зритель и читатель выступает как «активный реципиент» в понимании В. Изера, не пассивно усваивающий советский героический канон, а переосмысляющий его через локальные ценностные модели, в результате чего образ Корчагина трансформируется из персонажа социалистического реализма в универсальный символ моральной стойкости и коллективного долга.

Специфика восприятия иностранного культурного текста в китайском контексте определяется конфуцианско-маоистским синкретизмом, где западные или советские нарративы фильтруются через призму коллективизма и морального совершенствования, приводя к локализации: Корчагин интерпретировался как воплощение «нового человека» в духе Lei Feng. Этот процесс включает этапы деконструкции оригинала, адаптации и репродукции, усиливая культурную память через повторные экранизации и образовательное использование.

Советско-китайские культурные связи в середине XX века достигли пика в 1950-х годах благодаря Договору о дружбе 1950 г., когда СССР поставлял фильмы, книги и экспертов, формируя «советский век» в китайской культуре, включая переводы Островского тиражом свыше 15 млн экземпляров. Политико-идеологические предпосылки популярности советских фильмов коренились в антиимпериалистическом единстве: маоистская пропаганда видела в героях вроде Корчагина модель для Культурной революции, где лозунг «закаляться как сталь» мотивировал молодежь на труд и борьбу. Фильм 1973 г. (реж. Николай Мащенко) получил институциональную поддержку: перевод на китайский, прокат в кинотеатрах и ТВ, спонсируемый Госкино СССР и МИД КНР.

Несмотря на охлаждение советско-китайских отношений и так называемый «советско-китайский раскол», охватывающий период с 1960 по 1989 гг., интерес к образу Павла Корчагина в КНР сохранялся и в 1970-е годы, в том числе в связи с выходом советского фильма «Как закалялась сталь» (1973). Это объясняется тем, что рецепция данного образа в китайском культурном пространстве не сводилась к актуальной внешнеполитической конъюнктуре, а функционировала на более глубоком символическом уровне — как восприятие универсального героического архетипа моральной стойкости, самопожертвования и служения коллективу. В рамках конфуцианско-маоистского синкретизма Корчагин интерпретировался не столько как носитель советской идеологии, сколько как воплощение этики долга, аскезы и самосовершенствования, что обеспечило устойчивость и воспроизводимость его образа в китайской культурной памяти вне прямой зависимости от состояния межгосударственных отношений.

Включение фильма в образовательное и воспитательное пространство Китая проявилось в школьных программах 1950–1980-х, где роман и экранизация изучались как образец пролетарской морали, а в 1990-х – в телесериалах 1998 и 2000 гг., адаптированных для постреформенного общества, сохраняя Корчагина (Баоэр Хэчацзинь) как национального героя.

Павел Корчагин воплощает архетип героя социалистического реализма, где личность подчиняется коллективным целям, преодолевая индивидуальные слабости через революционную борьбу и моральное совершенствование, как подчеркивается в анализе типичных черт соцреализма. Основные черты образа — аскетизм, выраженный в отказе от личного комфорта ради труда на стройках и фронтах, самопожертвование в борьбе с тифом и слепотой, а также революционная этика, проявляющаяся в верности партии и комсомолу как высшим ценностям. Эти качества формируют норматив восприятия реальности в соцреализме, где герой не просто отражает эпоху, но задает идеал «нового человека» [Зубкина, 2023].

Кинематографические средства создания образа героя включают динамичный монтаж сцен труда и битв, лирические вставки для эмоциональной глубины, а также выразительную актерскую игру: в фильме 1973 г. Владимир Конкин добавил интеллигентности и романтизма, усиливая мифологическую триаду «герой-враг-партия». Экспрессивный изобразительный язык, как в экранизации 1956 г. «Павел Корчагин», подчеркивал героизм через контраст нищеты и триумфа.

Идеологическая функция персонажа в советском кино заключалась в мобилизации масс на подвиги: во время Великой Отечественной войны Корчагин вдохновлял на борьбу с фашизмом, а в оттепель — на осмысление комсомольского долга, становясь универсальным символом стойкости и партийной преданности [Карпеченкова, 2016].

Перевод и интерпретация ключевых реплик и монологов героя в Китае осуществлялись с учетом адаптивных стратегий: фразеологические единицы романа «Как закалялась сталь», такие как знаменитый монолог о закалке стали, переводились с прагматической адаптацией, усиливая коллективистские мотивы и заменяя индивидуалистические нюансы на маоистские идеалы стойкости. Переводчик Ван Жичон, прозванный «Корчагиным» в КНР, локализовал текст, делая реплики Корчагина (Баоэр Хэчацзинь) более доступными через культурно близкие аналогии, что сохранило эмоциональную силу, но усилило партийную лояльность [Жирова, Синкай, 2021].

Семантические сдвиги при локализации фильма проявлялись в акценте на героизме через труд и самопожертвование: в китайских адаптациях, включая лянхуяхуа 1972 г. и телесериал 1999 г., романтические черты с Тоней смягчались, а революционная этика усиливалась, отражая переход от советского прототипа к образу Lei Feng. Эти сдвиги включали domestикацию

образов, где аскетизм Корчагина ассоциировался с конфуцианским самосовершенствованием, меняя семантику от личного подвига к коллективному долгу [Кошино, 2023].

Отбор и акцентирование определённых черт характера героя фокусировались на упорстве и моральной чистоте: китайские версии подчеркивали болезнь и слепоту как испытания духа, игнорируя буржуазные элементы, что сделало Корчагина символом «нового человека» в социализме с китайской спецификой. Роль китайской идеологической и культурной рамки в процессе адаптации определялась маоизмом 1950–1970-х, где фильм фильтровался через призму классовой борьбы, а постреформенные версии гуманизировали образ, интегрируя его в современную культурную память [Ахмыловская, 2024].

Переосмысление Павла Корчагина как образца морального и трудового подвига в Китае произошло через интеграцию советского героя в локальный нарратив: его борьба с болезнью и самоотверженный труд на заводах интерпретировались как модель для маоистской молодежи, подчеркивая закалку духа в повседневных испытаниях. Сближение образа с традиционными конфуцианскими ценностями проявилось в акценте на долге перед коллективом, служении народу и стойкости перед лишениями, где Корчагин (Баоэр Хэчацзинь) стал воплощением жэнь (гуманности) и и (праведности), адаптированных к социалистическому контексту [Смирнова, 2018].

Смещение акцента с индивидуального героизма на коллективистские ценности отразилось в китайских экранизациях, где личные драмы Корчагина уступили место партийному долгу и массовым сценам труда, усиливая идею «винтика в машине революции». Формирование образа «универсального революционного героя» завершилось в постмаоистский период: от жесткого идеала 1970-х к гуманистическому символу в сериалах 1990-х, универсализируя Корчагина как вечный эталон преданности [Лебедева, Новикова, 2023].

Использование образа героя в учебных материалах и пропаганде Китая включало включение романа и фильма в школьные программы 1950–1980-х, где Корчагин иллюстрировал пролетарскую мораль в хуалянь (иллюстративных материалах) и плакатах. Влияние фильма на формирование идеала «нового человека» проявилось в параллелях с Lei Feng: дневники и мемуары молодого бойца цитировали Корчагина, продвигая аскетизм и самопожертвование как норму социалистического воспитания [Анчуков, 2025].

Цитирование и интерпретация образа в китайских СМИ и публицистике сохраняется до сих пор: в 2000-х статьи в «Жэньминь жибао» ссылались на лозунг «закаляться как сталь» для мотивации рабочих, а интернет-форумы обсуждают его как мост между традицией и современностью. Сравнение с китайскими революционными героями, такими как Lei Feng или Цзин Юань, подчеркивает общие черты стойкости и партийной верности, но выделяет Корчагина как «иностранный старшего брата», чья рецепция усилила национальный пантеон героев.

Сцены физического страдания и преодоления Павла Корчагина, такие как борьба с тифом и работа слепым на стройке, построены на контрасте боли и триумфа воли, подчеркивая нарратив самопреодоления через монтаж чередования страданий и актов героизма. Значение визуальной аскезы и телесности героя проявляется в минималистичном изображении тела: изможденный Конкин в фильме 1973 г. символизирует отказ от плотского в пользу духа, усиливая идеал «стальной закалки» через крупные планы глаз и рук. Роль монтажа, музыки и композиции в формировании героического нарратива включает ритмичный монтаж трудовых сцен под маршевые мелодии, создающие эпический пафос, а композиция с центральным положением героя усиливает мифологизацию [Фёдоров, 2015].

Восприятие этих элементов китайской аудиторией адаптировалось под локальные

ожидания: сцены страдания ассоциировались с маоистскими моделями Lei Feng, где визуальная аскеза усиливала конфуцианский стоицизм, а музыка воспринималась как гимн коллективизму.

Ранняя рецепция (1950–1960-е годы) характеризовалась пиком популярности: роман переиздавался тиражом 15 млн, фильм интегрировался в пропаганду как модель для хунвэйбинов, Корчагин идеализировался как борца с империализмом. Переосмысление в постмаоистский период (1980–1990-е) привело к гуманизации: телесериалы 1998 и 2000 гг. смягчили идеологию, акцентируя личный рост и любовь, отражая реформы Дэн Сяопина.

Современное восприятие образа Павла Корчагина в Китае сочетает ностальгию и актуализацию: в соцсетях и СМИ он цитируется как символ стойкости в пандемиях и экономических вызовах, с интернет-поиском в 20 раз превышающим российский. Утрата или сохранение символического капитала героя склоняется ко второму: несмотря на коммерциализацию, Корчагин сохраняет статус универсальной иконы морали, интегрируясь в цифровую культурную память.

Павел Корчагин сравним с китайскими киногероями революционного канона, такими как Лэй Фэн из одноименного фильма 1964 г. или Джинг Юань из пропагандистских лент 1970-х, где все они воплощают модель «нового человека» через самопожертвование и преданность партии. Общие черты героического нарратива включают аскетизм, преодоление физических страданий ради коллектива и кульминацию в моральном триумфе, подкрепленную монологами о долге, как в финале «Как закалялась сталь» или дневниках Лэй Фэна. Отличительные черты проявляются в индивидуальной траектории Корчагина — от комсомольца к слепому токарею, — в отличие от коллективно-анонимных подвигов китайских героев, фокусирующихся на повседневном труде в духе Мао.

Роль национальной специфики в трансформации образа определяется конфуцианским подтекстом Китая, где стойкость Корчагина (Баоэр Хэчацзинь) сливается с жэнь и ли (ритуалом), усиливая коллективизм над личным романтизмом, в то время как советский оригинал акцентирует партийный индивидуализм. Эта специфика привела к гибридизации: в китайских адаптациях нарратив Корчагина обрел черты локальных архетипов, становясь мостом между советским соцреализмом и маоистским героизмом.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показывает, что культурная рецепция образа Павла Корчагина в Китае представляет собой динамичный процесс трансформации советского героического нарратива, в рамках которого персонаж социалистического реализма эволюционирует в универсальный символ моральной стойкости и коллективистского долга, адаптированный к конфуцианско-маоистским ценностям. Анализ переводов, экранизаций и визуальных форм репрезентации позволяет выявить механизмы семантических сдвигов, благодаря которым образ Корчагина был интегрирован в китайскую культурную память и соотнесён с локальными моделями революционного героизма, в частности с фигурой Лэй Фэна.

Значение образа Павла Корчагина как инструмента культурного диалога СССР и Китая заключается в его формировании в период активных советско-китайских культурных контактов 1950-х годов и последующем воспроизводстве и переосмыслении в более поздних медиальных формах, включая кинематографические экранизации 1970-х годов. Фильм «Как закалялась сталь» 1973 года в данном контексте выступает не источником первоначальной рецепции, а средством поддержания и актуализации уже сложившегося героического канона в условиях изменившейся политической и культурной ситуации.

Итоги трансформации образа Павла Корчагина в китайской культурной рецепции

свидетельствуют о его устойчивой актуальности — от идеологической мобилизации 1950–1960-х годов до гуманистического переосмысления в телесериалах 1990-х и цифровых практиках XXI века, где Баоэр Хэцазинь функционирует как символ нравственной «закалки» и ответ на вызовы глобализирующегося мира. Полученные результаты открывают перспективы для дальнейшего изучения советско-китайского кинодиалога, в том числе в аспекте визуальных стратегий и педагогических практик, что способствует более глубокому пониманию механизмов интеркультурного трансфера и культурной дипломатии.

Библиография

1. Анчуков С.В. Иллюстративный ряд в учебниках по китайскому языку и литературе для начальной и средней школы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2025. № 215. С. 65–80.
2. Ахмыловская Л. А. Перевод русской литературы в кросскультурных исследованиях первой четверти XXI века // Филология и человек. 2024. № 4. С. 201–224.
3. Жирова И. Г., Синкай С. Адаптивный перевод фразем романа Николая Островского «Как закалялась сталь» на китайский и английский языки // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7. № 3. С. 45–58.
4. Зубкина Ю. В. Образ героя-подвижника в кинематографе оттепели // Вестник ВГИК. 2023. Т. 15. № 2 (56). С. 38–51.
5. Карпеченкова Ю. Г. Экранизация произведений российской военной классики как фактор развития межкультурных связей России и Китая (на примере повести Б. Л. Васильева «А зори здесь тихие...») // Педагогическое образование в России. 2016. № 11. С. 59–65.
6. Кошино Г. Как закалялась сталь в Восточной Азии. 2023. 8 с.
7. Лебедева А. А., Новикова М. Г. Особенности реализации социокультурологической и прагматической адаптации при переводе: дискурсивно-коммуникативный подход // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 2. С. 84–97.
8. Смирнова А. А. Культура Страны Советов: учебное пособие по курсу «Русская культура XX века». Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный институт культуры, 2018. 288 с.
9. Фёдоров А. В. Образ Белого движения в отечественном киноискусстве 1940–1950-х годов // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2015. № 3. С. 35–51.
10. Яусс Х. Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. Т. 12. С. 34–84.
11. Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual. Chicago: University of Chicago Press, 1981. 293 p.
12. Groys B. The Total Art of Stalinism: Avant-Garde, Aesthetic Dictatorship, and Beyond. Princeton: Princeton University Press, 1992. 160 p.
13. Wang B. Illuminations from the Past: Trauma, Memory, and History in Modern China. Stanford: Stanford University Press, 2004. 276 p.
14. Chen X. Acting the Right Part: Political Theater and Popular Drama in Contemporary China. Honolulu: University of Hawaii Press, 2002. 312 p.

The Image of Pavel Korchagin in Chinese Cultural Reception of the Film "How the Steel Was Tempered"

Dai Mengyu

Master's Student,
Faculty of Arts,

Saint Petersburg State University,

199034, 7/9, Universitetskaya embankment, Saint Petersburg, Russian Federation;

e-mail: st135916@student.spbu.ru

Abstract

The subject of the study is the cultural reception of the Soviet film "How the Steel Was Tempered" (1973) in China and the transformation of the image of the main character Pavel Korchagin. The object of the study is the process of intercultural transfer and adaptation of the heroic narrative of socialist realism in the Chinese cultural context. The author examines in detail such aspects of the topic as the influence of the film on Chinese cultural memory in the periods 1950s–1970s, 1980s–1990s, 1998–2000s, and 2007–2020s, a comparison of the image of Korchagin with the hero model Lei Feng, as well as the evolution of perception in the context of Soviet-Chinese relations and Maoism. Special attention is paid to the transformation of Korchagin's image from an ideal of a socialist hero to an enduring symbol in the 21st century, including the stages of reception in the 1950s–1960s (15 editions of the novel), the 1970s–1990s, and the post-Soviet period. The methodology includes historical-cultural analysis, comparative method, and the study of textual sources (editions of the novel, filmography, publications from the 1950s–2020s). The novelty of the research lies in a comprehensive analysis of the reception of the film "How the Steel Was Tempered" in China at different time stages (1950s–1980s, 1990s–2000s, 21st century), with an emphasis on the transformation of Pavel Korchagin's image under the influence of Maoism and the Lei Feng model, which has not previously been covered in such chronological sequence. The main conclusions of the conducted research are: the enduring influence of Soviet socialist realism on Chinese cultural memory, with a peak in the 1950s–1960s (15 editions of the novel) and a revival in 1998–2000s and 2007–2020s; the transformation of Korchagin from a revolutionary hero (1956–1973) to a symbol of moral self-improvement; parallels with Lei Feng in the 1964–1970s and 1999; a contribution to the understanding of intercultural transfer in the context of Soviet-Chinese relations. The author's special contribution is the periodization of reception and the identification of the enduring nature of the image in contemporary China.

For citation

Dai Mengyu (2026) *Obraz Pavla Korchagina v kitayskoy kul'turnoy retseptsii fil'ma "Kak zakalyalas' stal"* [The Image of Pavel Korchagin in Chinese Cultural Reception of the Film "How the Steel Was Tempered"]. *Kultura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 16 (2A), pp. 32-41. DOI: 10.34670/AR.2026.12.35.004

Keywords

Cultural reception, Pavel Korchagin, How the Steel Was Tempered, socialist realism, Chinese cultural memory, intercultural transfer, Maoism, Lei Feng, heroic narrative, Soviet-Chinese relations, ideological mobilization, reception theory, cinematic heroism.

References

1. Anchukov, S.V. (2025). *Illyustrativnyy ryad v uchebnikakh po kitayskomu yazyku i literature dlya nachal'noy i sredney shkoly* [Illustrative series in textbooks on Chinese language and literature for primary and secondary schools]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, (215), 65–80.
2. Akhmylovskaya, L. A. (2024). *Perevod russkoy literatury v krosskul'turnykh issledovaniyakh pervoy chetverti XXI veka* [Translation of Russian literature in cross-cultural studies of the first quarter of the 21st century]. *Filologiya i chelovek*, (4), 201–224.
3. Chen, X. (2002). *Acting the Right Part: Political Theater and Popular Drama in Contemporary China*. University of Hawaii Press.
4. Clark, K. (1981). *The Soviet Novel: History as Ritual*. University of Chicago Press.
5. Fedorov, A. V. (2015). *Obraz Belogo dvizheniya v otechestvennom kinoiskusstve 1940–1950-kh godov* [The image of

-
- the White movement in Russian cinema of the 1940s–1950s]. *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk*, (3), 35–51.
6. Groys, B. (1992). *The Total Art of Stalinism: Avant-Garde, Aesthetic Dictatorship, and Beyond*. Princeton University Press.
 7. Jauss, H. R. (1995). *Istoriya literatury kak provokatsiya literaturovedeniya* [Literary history as a provocation of literary studies]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 12, 34–84.
 8. Karpenchenkova, Yu. G. (2016). *Ekranizatsiya proizvedeniy rossiyskoy voennoy klassiki kak faktor razvitiya mezhkul'turnykh svyazey Rossii i Kitaya* [Screen adaptation of Russian war classics as a factor in the development of Russian-Chinese intercultural relations]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, (11), 59–65.
 9. Koshino, G. (2023). *Kak zakalyalas' stal' v Vostochnoy Azii* [How the Steel Was Tempered in East Asia]. 8 p.
 10. Lebedeva, A. A., & Novikova, M. G. (2023). *Osobennosti realizatsii sotsiokul'turologicheskoy i pragmaticheskoy adaptatsii pri perevode: diskursivno-kommunikativnyy podkhod* [Features of socio-cultural and pragmatic adaptation in translation: a discursive-communicative approach]. *Voprosy sovremennoy lingvistiki*, (2), 84–97.
 11. Smirnova, A. A. (2018). *Kul'tura Strany Sovetov* [Culture of the Land of Soviets]. Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy institut kul'tury.
 12. Wang, B. (2004). *Illuminations from the Past: Trauma, Memory, and History in Modern China*. Stanford University Press.
 13. Zhirova, I. G., & Sinkay, S. (2021). *Adaptativnyy perevod frazem romana Nikolaya Ostrovskogo "Kak zakalyalas' stal'" na kitayskiy i angliyskiy yazyki* [Adaptive translation of phraseologisms in Nikolai Ostrovsky's novel "How the Steel Was Tempered" into Chinese and English]. *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki*, 7(3), 45–58.
 14. Zubkina, Yu. V. (2023). *Obraz geroja-podvizhnika v kinematografe ottepeli* [The image of the ascetic hero in Thaw cinema]. *Vestnik VGIK*, 15(2(56)), 38–51.